

ГЛАВА 1

Нет, мама не изменит своего решения! Не изменит. Она все делает по-своему. Потому что она всегда так делает. Ошеломленная этой простой мыслью, внезапно вспыхнувшей в голове, Катя остановилась и только теперь обнаружила, что ее любимые туфельки облепила маслянистая грязь, что грязь уже добралась до колготок, но ее это совсем не расстроило, как и то, что туфельки отяжелели и соскальзывают с пяток. Она осмотрелась и наконец-то сообразила, что, задумавшись, пошла напрямую, через пустырь, а не в обход, по тротуарам. В мае, да еще после дождя, идти в школу по прямой можно только в резиновых сапогах. Но разве сейчас это важно? Сейчас важно другое — надо спасти папу. Надо бежать домой и снова просить маму не увозить его.

С неистово бьющимся сердцем, буквально выпрыгивающим из груди, Катя повернула обратно. Скользя, спотыкаясь, но сохраняя баланс с помощью тяжеленного портфеля, она спустилась с горки к детской площадке. Оставляя за собой комки грязи, минула гастроном, перебежала дорогу, снова влезла в грязь, чтобы путь срезать, — а вдруг мама уже уехала! — громко хлопнула новенькой металлической дверью и влетела в подъезд.

— Катька, чего это ты так дверями хлопаешь?! — донеслось из фанерной, недавно сколоченной будки с небольшим застекленным проемом.

В будке этой по очереди сидели Кузьминична с пятого этажа, соседка Кати по площадке, и дочка Исааковны со второго, гордо именующие себя консьержками.

— Кузьминична, — Катина ладошка прилипла к стеклу, — мама уже ушла?

Кузьминична, блондинка, которой перевалило уже за семьдесят, в прошлом гример Театра украинской драмы, сдвинула изогнутые, идеально подходящие к ее сморщенному, но какому-то совсем не старушечьему лицу брови и, подняв вверх большие карие глаза, задумчиво молвила:

— Витя с Ириной и Леночкой вышли минут через пять после тебя, потом Гришка с восьмого, он сегодня выходной, на базар пошел. За ним вышел сексопатолог. — Кузьминична устремила на Катю задумчивый взгляд, помолчала пару секунд и продолжила: — Больше никто не выходил.

— Спасибо. — Катя пошла к лифту.

— Катька, больше дверями не хлопай!

— Хорошо.

— И скажи вашей Ирине, что с людьми надо здороваться!

— Не скажу! — буркнула Катя себе под нос и нажала на кнопку вызова лифта.

Скрипнула фанерная дверь, и Кузьминична, кутаясь в большой шерстяной платок, выдвинулась из будки. Вобрав голову в плечи и косясь на консьержку, Катя перетаптывалась с ноги на ногу, а та, в свою очередь, изучала ее ноги и почему-то не продолжила разговор про Ирину Петровну, хамоватую кобылу двадцати одного года от роду, жену Катиного брата. Мама почему-то называла ее по имени-отчеству, когда Ирки дома не было или когда с подружками по телефону болтала. Катя тоже Ирину не любила — дура она, и все. Живут под одной крышей почти три года, а Ирка так чужой и осталась. Более чужой, чем та же Кузьминична.

— Детка, — Кузьминична тяжело вздохнула, — ты ж грязи нанесла.

Катя насупилась и снова нажала на кнопку, хотя необходимости в этом не было — лифт уже приближался, оповещая об этом грохотом и щелчками.

— Ты что, с такими ногами в лифт войдешь? — фальцетом спросила Кузьминична, и Катя еще больше втянула голову в плечи. — Катька, я тебя спрашиваю!

«Да отстали бы вы, не до вас!» — подумала Катя. Тут запахнулись спасительные двери лифта и она, юркнув в исписанную и изрисованную от потолка до пола кабину, нажала на кнопку с цифрой «5».

Дверь своим ключом она решила не открывать и позвонила.

— Ты почему не в школе? — Мама пропустила ее в прихожую, закрыла дверь и уперла руки в изрядно похудевшие за последние месяцы бока.

Катя моргала и теребила пуговицу кофточки. Мама смотрела исподлобья.

— Что случилось?

Катя не выдержала, бросила портфель на пол и протянула руки к маме:

— Мамочка, пожалуйста, не отвози папу, не надо, пожалуйста ...

Она хотела обнять маму, крепко прижаться к ней, чтобы мама тоже обняла ее, как много лет назад в Баку, когда их вывезли на бронетранспортере за пределы города и пересадили в «газель», чтобы домчать до ближайшей железнодорожной станции. Те страшные дни для Кати стали неожиданно счастливыми — мама была ласковой, внимательной, спала рядом. Витя и папа спали тут же, на диване, который специально перетасили в спальню, чтобы вместе быть. То, не такое уж и короткое время, целых три недели января, получившего название «черный», Катя запомнила и уже никогда не забудет — тот январь в считанные дни сделал ее взрослой, потому что впервые в жизни она близко видела смерть, ошеломляюще близко — прямо под их окнами убили двух ребят, она их знала. И, как это ни парадоксально, он же сделал ее счастливой, потому что впервые в жизни она ощущала единение семьи. Уже никогда она не забудет, как мама ложилась в постель рядом с ней, сунув под подушку гранату, а папа, лежа на диване рядом с Витькой, держал в руке пистолет. Держал всю ночь и всю ночь не спал. А когда мама, включив фонарик, вела Катю в туалет, он шел за ними. Это было нормально, потому что на шорох могли начать ломиться в дверь. Было нормально наглухо занавешивать окна, придвигать к входной двери комод, так как на улице шла война, вернее, разгорался армяно-азербайджанский конфликт, и люди убивали друг друга.

Катя тянулась к маме, вот уже почти обняла ее, но мама выбросила вперед руку, будто обороняясь, и потребовала:

— Прекрати!

Приказной тон отрезвил Катю и остановил слезы. Нет, она не хотела разжалобить маму, она просто не понимала, почему папа должен уехать. Вернее, почему его увезут, если он этого не хочет, — это она точно знала.

— Мама, папа не сможет без нас, — Катя прижала кулачки к груди, — он умрет без нас, понимаешь? Кто за ним будет ухаживать? Кто кормить будет? Ему же особая пища нужна! — крикнула она, запнулась и продолжила дрожащим голосом, потому что давно хотела это сказать, но боялась: — Мама, это плохо, очень плохо, —

ее голос крепчал с каждым словом, — не надо этого делать! — Последние слова она произнесла так уверенно, что испугалась своего тона. В горле мгновенно пересохло, и она шумно сглотнула, а мама все это время не сводила с нее пристального взгляда.

— Катерина, я тебя не понимаю. — Мама выжидательно прищурилась.

— А что тут понимать? Забери папу домой, и все!

Глаза у мамы стали узкими, а лицо таким, будто кто-то с силой стянул на затылке ее роскошные рыжие волосы. Почувствовав надвигающуюся бурю, Катя бочком двинулась к двери в свою комнату.

— Ты что, чокнутая? — Маму будто прорвало. — На свои ноги посмотри!

Катя посмотрела, сняла туфли и хотела поставить под вешалку, но мама показала рукой на дверь в ванную.

— Вымой! Быстро! И ноги тоже! — Она буквально стреляла словами. — До экзаменов считанные дни, а ты гулять надумала! — в сердцах воскликнула она, и тут зазвонил телефон, висящий возле входной двери. — Слушаю! — крикнула она в трубку.

— Людмила Сергеевна, это Борис Аркадьевич. Когда вы приедете? — голос лечащего врача вибрировал от волнения.

— А что случилось?

— Как что? Если вы забираете Михаила Львовича, то вам пора уже здесь быть. Необходимо уладить формальности, сами понимаете. И начальник госпиталя уезжает в половине одиннадцатого. Если вы не успеете, то сегодня Михаила Львовича не выпишут.

— Но я же неделю назад оставила все документы у начальника отделения! — Люда едва не задохнулась от возмущения. — Он что, до сих пор их не подписал?

— Людмила Сергеевна, я понятия не имею, кому и что вы оставляли. Документы на выписку вашего мужа не заверены, вы должны лично явиться в госпиталь.

— Хорошо, — Люда про себя матюгнулась, — я сейчас приеду. «Вот сволочи — снова деньги вымогают! Да сколько можно?!» Она повесила трубку.

— Катя, ты где? — Она обернулась.

Катя стояла за спиной, напряженная, плечи приподняты, в широко распахнутых глазах вопрос.

— Это из госпиталя?

Люда кивнула.

— Что случилось? — Нижняя челюсть дочери подрагивала. — Что с папой? — Ее голос сорвался на крик, и она вся подалась вперед.

— Да ничего с твоим папой! — деловито ответила Люда, бесцельно роясь в карманах халата, набитых всякой мелочевкой. — Может, мы и не уедем сегодня.

Глядя на застывшее лицо дочери, Люда думала о том, что последнее время у нее все наперекосяк, и это выбивало из привычной колеи. Еще она думала о том, что сегодня начался отпуск, в который военком отпустил ее с такой неохотой, что лучше и не вспоминать, — мол, ты всегда в мертвое время уходишь, в июле, а сейчас дел невпроворот. Она же не весь отпуск взяла, а только половину, но он сильно злился, аж весь покраснел. Завтра утром их ждут в Петербурге, в военном госпитале, что будет, если они не приедут? Место Миши сразу отдадут кому-то или не отдадут? Господи, неужели все это правда? Неужели Миша уже третий месяц не ходит, не говорит, ничего не понимает? В общем, жизнь удалась...

Катя метнулась к вешалке, наклонилась, взяла с полки мокасины и принялась обуваться.

— Mam, я поеду с тобой, — она выпрямилась, — я готова.

Люда никак не отреагировала на готовность дочери и направилась в свою комнату, все еще переваривая информацию и плохо понимая, что будет дальше. Глядя на две до отказа набитые дорожные сумки, она прижалась спиной к дверному косяку. Возможно, они сегодня никуда не поедут. Возможно, поедут. Ей не привыкать к такой ситуации — ехать или не ехать, за почти четверть века они поменяли тринадцать гарнизонов, неделями жили на чемоданах, она сама паковала вещи, сама укладывала их в контейнеры, сама встречала контейнеры, разгружала, а Миша был на службе. Да, ей не надо привыкать к дороге, к вокзалам, холоду, невыносимой жаре, временному жилью, невозможности накормить детей горячей пищей, помыться по-человечески. А сколько всего потеряно и разбито при переездах! Парадокс, но, может, поэтому она хочет снова ехать? Просто ехать и слушать стук колес, шум вокзалов, нырять в толпу, в которой никого не знает, и забываться в разговорах с попутчиками? Может, это облегчит боль, внезапно навалившееся чувство потерянности, ледящей неопределенности и ожидания непонятно чего? Странно все это — удирали из Баку и думали: вот,